

«Нефть воровали, воруют и будут воровать», – заявил, услышав первый вопрос интервью, высокопоставленный региональный чиновник. И это так. Иркутская область несколько лет в лидерах по объёмам криминального оборота нефти. Статистика говорит в пользу того, что воровать стали меньше. А спецы утверждают, что воры стали изобретательнее и циничнее.

Секретный завод

1 апреля сотрудниками ГУВД по Иркутской области на территории заброшенной промплощадки ОАО «Восточно-Сибирское управление строительства» неподалёку от Саянска был обнаружен действующий нелегальный нефтеперерабатывающий завод. Оперативники даже нашли его весьма технологичным: многие процессы, несмотря на лубочность производства, были автоматизированы. Там же были найдены две ёмкости. В одной – 50 тонн нефтепродуктов. В другой – 60 тонн нефти. Последняя, как установили оперативники, наполнялась углеводородным сырьём из магистрального нефтепровода «Красноярск – Иркутск», принадлежащего государственной компании «Транснефть».

То, что в других регионах было бы сюжетом номер один в местных новостях, не удостоилось даже пресс-релиза. А ведь подобные предприятия попадают в поле зрения силовиков не так часто. По информации экспертов, обнаруженное оперативниками предприятие могло приносить своим владельцам доходы до 1 млн. рублей в сутки. Правда, и организация такого бизнеса требует существенных расходов. Стоимость одного километра отвода оценивается в среднем в 600 тыс. рублей, для строительства врезки требуется весьма дорогостоящее оборудование для наклонно-горизонтального бурения. Стоимость такой установки около 10 млн. рублей. Вероятно, есть в этом списке и затраты на покрытие рисков быть наказанными.

С 1 декабря 2006 года эксплуатация магистральных нефтепроводов «Омск – Иркутск» и «Красноярск – Иркутск» занимается зарегистрированное в Братске ООО «Востокнефтепровод» (ВСМН). В его ведении находится также и магистральный нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). С тех пор на предприятии тщательно ведут статистику нарушений целостности трубопроводов. Так, в течение 2007 и 2008 годов на территории Иркутской области было обнаружено 159 несанкционированных врезок. Во всех случаях были возбуждены уголовные дела. С полицим задержано более 40 человек. Однако, как утверждают в службе безопасности ВСМН, лишь одно из двадцати дел попадает в суд. Остальные, как правило, приостанавливаются, поскольку в ходе следствия так и не удаётся установить виновных. А из тех, кого установили, за всю историю регионального судопроизводства арестовано только один. Между тем в службе безопасности «Востокнефтепровода» не без зависти и профессиональной гордости за коллег рассказывают о том, как подвизались на нефтяной промысел в Красноярский край пятерых ангарчан в 2008 году арестовали за изготовление врезки. «Арест – это не просто мера пресечения. Это перспектива реального наказания», – заметил руководитель службы безопасности ВСМН Александр Григорьев. А полковник милиции в отставке знает, о чём говорит.

«У нас своя работа, у них – своя»

На площадке Иркутского РНУ ООО «Востокнефтепровод» стоят 19 автомобилей. Все они были изъяты во время оперативных мероприятий. «Некоторые стоят здесь годами, хранятся как вещественные доказательства», – рассказывает сотрудник службы безопасности. – «Последним доставили этот грязный бензовоз вместимостью 18 тонн, на нём мазут перевозили откуда-то из Кутулики». С бензовозом соседствует самосвал, в его кузове

Чужая нефть

Магистральные нефтепроводы были и остаются аномальной зоной притяжения криминала

искусно замаскирована внушительных размеров ёмкость под нефть. И маленький грузовичок-фургончик, в таких обычно перевозят продукты, в нём также перевозили нефть. Здесь же камуфляжной расцветки авиационный заправщик, вероятно, купленный у военных. Трофеи доставляются сюда из населённых пунктов, расположенных вдоль нефтяной трубы. В последнее время криминальный интерес к трубе смещается из традиционных Ангарского и Усольского районов на запад в Зиминский и дальше.

«С каждым годом совершенствуются орудия своих преступлений. Креативный народ», – комментирует мой собеседник, продолжая экскурсию и подводя меня к куче металлолома. На самом деле это никак не металл, а несколько нефтеперерабатывающих установок, на сленге силовиков – «самовары». «Вот три электроды, которые нагревают, происходит всплеск...» – рассказывает и показывает он. «Какая производительность такого аппарата?» – спрашиваю. «Это надо разработчиков спрашивать, у каждого мини-НПЗ индивидуальная конструкция», – продолжает собеседник. – «Вот, смотри, насосы у них новенькие, промышленные, стандартные. Оборудование всегда новое, чтобы не ломалось».

По представленным на площадке остаткам техники можно изучать историю криминального бизнеса на нефти. Здесь, например, имеются устройства для кражи нефти через вантузные колоды. Для этого нужен мощный насос, 3-4 минуты – и бензовоз полный. На самом деле это вчерашний день нефтяного криминала, потому что сигнал о происходящем вмешательстве тут же поступает в Транснефть: давление в трубе от такого вмешательства падает, и это показывают приборы. В последнее время врезки делают небольшие. От врезки глубоко под землёй на расстояние не в один километр тянутся шланги диаметром 3-4 сантиметра. Не нужно никакого насоса. Нефть потихонечку капает в стационарные ёмкости.

– Часто подвозят свежую технику?

– Один год бывает больше, другой – меньше. Милиция не сидит сложа руки. И наша служба безопасности укрепляется. А как ловить стали чаще, люди начали бояться.

– Бывает, что вещдоки возвращать приходится?

– На моей памяти машины возвращали. Права на технику предъявляют. Ведь в ходе следствия, как правило, выясняется, что машина арендована, а настоящий хозяин говорит, что знает не знал, с какой целью её используют. Но ёмкости, сам предмет преступления, остаются здесь.

– У вас работа небезопасная, часто получаете угрозы?

– У нас все – бывшие сотрудники МВД: что там было, что здесь – мы с этими людьми по разные стороны баррикад. Это вечная борьба. У нас своя работа, у них – свой бизнес.

Задержание с продолжением

Надо признать, что одну работу иногда приходится выполнять дважды. Пока копился материал для заметки, сами собой собирались в блокнот истории, составляющие материалы уголовных дел. Многие из них рождаются такое количество «почему?», что начинаешь относиться к ним, как к вопросам риторическим. Например, в июне прошлого года на месте хищения нефти был задержан пятидесятидвулетний гражданин среднеазиатской республики. Назовём его Г. Он перевозил нефть. Когда его допрашивали, иностранец пояснил, что незадолго до задержания к нему обратился неизвестный ему мужчина, который за денежное вознаграждение попросил перенести автомобиль. И Г. согласился. В ходе расследования никто не пытался его арестовать. С него была взята подписка о невыезде. Хотя, по данным ГУВД, задержанный не имел постоянного места жительства и было доказано, что нефть в управляемой им машине была идентична по составу нефти из магистрального нефтепровода. Г. отпустили. Через полгода он фигурировал в другом деле.

Произошло это в конце января прошлого года. Сотрудники службы безопасности ВСМН зафиксировали несанкционированную врезку на 611-м километре магистрального нефтепровода «Омск – Иркутск», после вывешивания их к мини-НПЗ. Тогда, как рассказывают в «Востокнефтепроводе», служба безопасности обнаружила автомашину ЗИЛ и троих человек, пытавшихся совершить кражу нефти из трубы. Поскольку врезка лопнула, кража нефти так и не состоялась. После их автомобиль был обнаружен на бывшей автобазе одного районного центра. В заброшенном здании был найден завод по переработке нефти. Там и были задержаны все три фигуранта. Они сообщили, что два дня назад их привезли на территорию промплощадки в качестве сторожей. Все трое были отпущены. В числе попавших в поле зрения следователя мужчин оказался и всё тот же гражданин Г., уже находившийся с июня под подпиской о невыезде. Даже нарушение условий меры пресечения не стало поводом для его ареста. Между тем на территории автобазы было изъято более 16 тонн нефти.

История обнаруженного недавно нелегального завода в Саянске также имеет интригующее продолжение. Мини-НПЗ был передан на ответственное хранение его же владельцу под видом установки по утилизации нефти. В ответ на просьбу официально прокомментировать ситуацию, в пресс-службе ГУВД нам организовали встречу с руководителем оперативно-розыскной части, специализирующейся на преступлениях в сфере ТЭК, Владимиром Поповым. Тот не стал демонстрировать корпоративную солидарность и немного неожиданно высказал официальное недоумение относительно происшедшего.

– На прошлой неделе я направил в следствие письмо по этому делу», – рассказал он. – «Ведь месяц прошёл, а мне не направлено ни одного поручения по нему. По-моему, это перспективное дело. Известны лица, занимавшиеся этим видом деятельности. Необходимо провести следственные действия, направить дело в суд. Не могу бросить тень на всё следственное подразделение, вероятно, конкретный человек недорабатывает. Получается, что мы приводим людей по этому делу, а следователь по непонятным нам причинам отказывается их задерживать и отпущает на подписку. И по непонятным нам причинам передаёт незаконно действующий мини-завод, к которому подведена врезка, на хранение его владельцу. По столь же непонятной причине завод оказался разукomплектован и вывезен. И никто не предпринимает никаких мер».

– Как так, ведь вы же внутри одного ведомства работаете?

– Ведомство-то одно, задачи разные. Мы субъекты оперативно-розыскной деятельности, мы проводим следственные мероприятия. Когда материал находится в производстве органов следствия, оно не обязано отчитываться. Меня возмущает, что по делу никто не арестован. Да и само дело возбуждено по 158-й статье («Кража»), а по 171-й («Незаконное предпринимательство») его никто не квалифицировал. Хотя по закону само по себе наличие мини-завода не является уголовно наказуемым деянием. Любой гражданин РФ вправе купить уже сертифицированный завод либо построить собственный, провести сертификацию в госорганах и, получив в Ростехнадзоре лицензию на эксплуатацию взрывопожароопасного объекта, эксплуатировать его. Незаконной является деятельность без соответствующих разрешений. А сам по себе завод может стоять где угодно. Это не тот предмет, которым нельзя владеть».

Но к данному конкретному случаю это не относится: у собственника завода отсутствуют необходимые лицензии, сам объект нигде не зарегистрирован, – добавляет Александр Григорьев. – Но следователей и это обстоятельство не смущало. Более того, посчитав мини-завод «установкой по утилизации углеводородного сырья», следователь фактически признал законными более 2 километров отвода и криминальную врезку в магистральный нефтепровод».

Нефть и капитал

Конечно, не всегда похищенную нефть везут на принадлежащие авторитетным бизнесменам НПЗ. Бывает, она продаётся под видом мазута. Тем не менее высокие цены на нефтепродукты сделали весьма привлекательной легализацию краденых углеводородов посредством их переработки. «Тот продукт, который производится на станциях, должен быть реализован, иначе смысл бизнеса теряется», – продолжает Попов. – Основная масса напрямую продаётся большим автотранспортным предприятиям, которые обладают парком техники с мощными низкофорсированными дизелями. Это тракторы, дорожная спецтехника, вполне переваривающая фальсифицированное дизтопливо. На качество никто не смотрит. На таких предприятиях больше ориентируются на цену». Наш собеседник не исключает, что такой бензин попадает в том числе на АЗС. «Его смешивают, бодяжат нормальный бензин с «самоварным», – говорит он. – Крупные компании вряд ли этим занимаются. Но есть такое понятие, как человеческий фактор. Какой-то оператор захотел заработать, договорился с «самоварщиком» и слил себе канистру-другую». Хотя, судя по количеству больших и малых заправок, растущих как грибы вдоль федеральной автодороги от Иркутска на север, счёт доходов от этого вида бизнеса давно уже ведётся не на канистры, комментируют безопасники «Востокнефтепровода».

– Существует ли объяснение тому, что Иркутская область стабильно находится в

числе лидеров по количеству преступлений, связанных с кражами нефти? – спрашиваю Владимира Попова.

– Дело в том, что у нас большая протяжённость нефтепровода по территории области, поэтому и посягательств на объекты трубопроводного транспорта было больше всех. К тому же Ангарск – город нефтехимиков, соответственно, на нашей территории сосредоточено очень много специалистов в этой отрасли. Они самостоятельно могут создать любую установку и провести химические процессы, чтобы полупродукт довести до стадии готовности. Два года назад мы, действительно, были на втором месте по России. Но ситуация изменилась. Вот статистика: за три месяца 2007 года обнаружили 47 врезок, за тот же период прошлого года – 12, в этом году – 7.

Однако, как считает Александр Григорьев, эти цифры вполне могут и не отражать реальной картины. «Если посмотрим на динамику, она положительная. Но нас она не убаюкивает, – отметил он. – К примеру, мы используем технологию обнаружения металлических отводов несанкционированных врезок. Но криминалитет приспосабливается. Имеет представление о том, какое оборудование нами используется, они изготавливают пластиковые отводы. И если монтируются врезки в металл, то эти узлы обязательно изолируют, чтобы приборы их обнаружить не могли. Так было и в случае с саянским заводом, который работал длительное время».

Отвод от магистрального нефтепровода во двор одного из домов в селе Чиркино Зиминского района был обнаружен в результате чрезвычайных событий. 13 апреля в доме произошёл пожар. Этот эпизод припомнил заместитель губернатора Иркутской области Юрий Гуртовой: «По-видимому, хозяин что-то там нарушил, и случился пожар. В связи с этим была обнаружена врезка, – рассказал он. – Надо понимать, что кражи нефти – это не только угроза безопасности. Они влекут за собой другую проблему – производство фальсифицированных бензинов. А это вред и государству, не получающему налогов, и частным лицам, которые портят своё имущество, используя некачественное топливо. Но мы должны не просто искать врезки, а профилактировать весь процесс».

Преступление без наказания

«Нефть всегда крали, крадут и будут красть, потому что это один из товаров, который всегда пользуется безусловным спросом» – с этой фразы практически и начался наш разговор с Юрием Гуртовым. К тому же он не считает критичной ситуацию, связанную с кражами из магистрального нефтепровода. Хуже, по его мнению, дела обстоят на территории Ангарской нефтехимической компании. «В июле прошлого года, когда в Иркутск приехал заместитель министра внутренних дел Михаил Суходольский для обсуждения вопросов цены на нефтепродукты, мы решили посмотреть проблему в комплексе», – рассказал вице-губернатор».

– Власть больше беспокоит ситуация, с которой мы сталкиваемся в судах, – отметил Юрий Гуртовой. – Я буду говорить не только по кражам нефти, потому что там судебная практика невелика. Ситуация типична и для решений по делам, связанным с оборотом наркотиков, незаконными вырубками леса. Сотни дел направляются в суды, и только единицы привлекаются к уголовной ответственности. Я не хочу сказать, что это связано с работой судов в целом, но когда такая тенденция наблюдается, возникает вопрос. Я об этом говорил на заседании ассоциации судей: в народе не понимают, когда человек привлекается к уголовной ответственности за распространение наркотиков во второй раз и ему дают аж семь лет условно! А пойманные на месте преступления получают административный штраф или год-два условно. Подобные судебные решения порождают чувство вседозволенности».

В доказательство слов Юрия Гуртового приведу случай из судебной практики 10 апреля 2008 года. Учитывая «действительное раскаяние», Усольским городским судом было прекращено уголовное преследование семейных жителей Иркутской области. (Двое из оказавшихся на скамье подсудимых по странному стечению обстоятельств были сотрудниками АНХК). Органами предварительного следствия они обвинялись в хищении в 2006 году нефти из трубопровода «Омск – Иркутск». Было учтено, что преступление совершено впервые и относится к категории небольшой и средней тяжести. По разумению суда, ущерба «от действий подсудимых не наступило, поскольку преступление ими до конца не доведено и похищенная нефть была изъята». А что касается мнения потерпевшего, коим является компания «Транснефть», то «его согласие не является обязательным условием для прекращения уголовного преследования».

«Пока даже признанные виновными не несут реального наказания, – констатирует Григорьев. – Может, приоритеты в Иркутской области не так расставляются... Ведь речь идёт об экологической и экономической безопасности государства. В Оренбургской области, в Башкирии за совершение аналогичных преступлений виновных наказывают на срок от 5 до 8 лет лишения свободы, – говорит он. – В некоторых регионах в подобных случаях суд наказывает не только за кражу, но и за приведение в негодность нефтепровода (ст. 215.3 УК), за что тоже предусмотрено лишение свободы». Но в Иркутской области ни по этой статье, ни по какой другой за хищение нефти из магистрального нефтепровода никто к лишению свободы не осуждён. Значит, «нефть воровали, воруют и будут воровать»? По причине «повышенного спроса»? Или по другой?

Наталья ГАВРИЛОВА

Операторов нелегального мини-НПЗ оперативники не застали на рабочем месте